

Источник: Шкляревский А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя) / Подгот. текста, сост. вступ. ст., коммент. А. И. Рейтблата. -- М.: Худож. лит., 1993. -- 303 с. ("Забывтая книга")

Scan, OCR, SpellCheck, Formatting: Алексей Никитин, 2009

I

В свежий и прохладный декабрьский вечер 187* г., в половине одиннадцатого часа, к освещенному подъезду "Бельгийской гостиницы", находящейся в одной из многочисленных петербургских улиц, подъехала извозчичья карета. Швейцар подошел к ней, отворил дверцы и, заметив внутри женскую фигуру, громко провозгласил обычное: "Пожалуйте!"

Ответа не последовало.

"Должно быть, заснула", -- подумал швейцар и обратился к извозчику с вопросом:

-- Ты кого привез?

-- А кто его знает, -- флегматически ответил чухонец, -- взял я на площади у Большого театра. Шли две какие-то барышни, и за ними лакей. Ну, вот он-то позвал меня и договорил везти к вам; одна барышня села, я и повез, а другая с лакеем повернула назад.

Швейцар пошел в подъезд за фонарем и, возвратившись, осветил им внутренности кареты; в сидевшей женщине он тотчас же, по костюму, узнал действительно квартировавшую в его гостинице недавно приехавшую из провинции даму. Это была прелестная молодая блондинка, лет двадцати двух-трех, с роскошными темно-русскими волосами, выющимися от природы локонами, которые избавляли ее от всяких шиньонов, с нежным абрисом профиля и всего ее миловидного личика, светившегося какою-то невыразимо-стыдливой улыбкой, и добродушным взглядом кротких голубых глаз. В данное время она сидела или, правильнее, полулежала, вытянув ноги и откинув в самый угол кареты голову, которая страдальчески уклонилась в левую сторону. Костюм дамы составляли: бархатная бурка, подбитая мехом ангорской козы, черное платье и шляпка, накрытая белым шерстяным пушистым платком, из-под которого выбились ее красивые волосы. "Так и есть: спит", -- мысленно сказал швейцар, но вслед за тем, взглянув пристальнее на лицо сидевшей, он вздрогнул и отшатнулся назад: оно было обезображено страшными судорогами и сжалось в гримасу, как бы для произнесения тяжкого стога, а эти добрые голубые глаза теперь смотрели стеклянным, блестящим и безжизненным взглядом, заставлявшим невольно содрогнуться.

-- Сударыня! -- громко и испуганно вскричал швейцар, сильно дернув незнакомку за шубку. Головка немного пошатнулась, но отклика не последовало.

-- Черт! -- крикнул он извозчику. -- Ты к нам привез ведь мертвую.

-- И, что ты, -- протянул тот, -- живую. Мы и десяти минут не ездили... Как садилась, веселая была, смеялась с подругою.

Швейцар еще раз заглянул в карету, с недоумением развел руками и решился крикнуть во все горло: "Го-ро-до-вой!" Блюститель порядка не замедлил тотчас же явиться, подобрав палаши и поправляя щетинистые усы. Карета и подъезд вмиг были окружены толпою любопытных прохожих; из гостиницы также высыпала прислуга. Выслушав швейцара, прибывший городской подал свисток своему товарищу, чтобы сдать ему пост около кареты, а сам, пылая рвением известить поскорее о происшествии начальство, схватил с азартом за вожжи первого проезжавшего свободным легкового извозчика, вскочил к нему в пролетку и, вытянув, как водится, по спине палашом, чтобы тот не отговаривался, велел мчать себя в участок. Толпа все более и более увеличивалась, несмотря на то что явившиеся околотовные надзиратели и городовые просили ее "честно и благородно разойтись". Тут же, около кареты, стояла выскочившая из гостиницы, в одном легком платье, горничная приезжей дамы, молодая девушка, со скрещенными руками и опущенной головкой; по лицу ее лились горячие слезы; рыдать и причитать, как было она начала, ей запретили. Наконец прибыли старшие чины полиции и я, исправлявший в то время должность местного участкового судебного следователя, и, позднее всех, врач. Последний предложил, для осмотра трупа,